

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОБСТВЕННОГО ВОЗРАСТА ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ, СТРАДАЮЩИХ ДЦП

Е.Н. Дмитриева, Т.Е. Левицкая (Томск)

Аннотация. В рамках изучения особенностей временной перспективы детей и подростков с ДЦП рассматривается восприятие собственного возраста как важной составляющей временных характеристик личности.

Ключевые слова: временная перспектива, возраст, восприятие возраста, детский церебральный паралич (ДЦП).

Последние десятилетия XX в. можно охарактеризовать возросшим интересом психологов к исследованиям проблем временных структур личности [1].

Время выступает в качестве важнейшего средства изучения психики, условия, облегчающего или осложняющего протекание психических процессов. В исследованиях Л.В. Бороздиной (1998) время рассматривается как одна из фундаментальных характеристик человеческого бытия [1]. Д.С. Кафка, В.В. Нуркова экспериментально доказали ведущую роль фактора времени в психической жизни и деятельности субъекта [2, 3].

Время – это прежде всего длительность бытия. Жизнь личности и ее деятельность развертываются в определенном отрезке времени [4].

«Мы сотканы из вещества времени. Время – река, которая уносит меня, но эта река – я сам...» – читаем у Борхеса [5. С. 143]. Шпенглер утверждает, что «и сами мы... являемся временем» [6. С. 58]. Мерло-Понти, анализируя временную концепцию Бергсона, пишет: «Время – это я, а я – это мною улавливаемая длительность» [7. С. 172].

К. Муздыбаев отмечает, что, кроме мерил длительности бытия, время представляет собой меру осуществленности, реализованности бытия человека, приводя в качестве иллюстрации итальянскую поговорку: «Человек измеряет время, а время измеряет человека» [4. С. 6].

Человек живет в пространстве времен: в прошлом, настоящем и будущем. Прошлое, настоящее и будущее взаимообусловлены и взаимосвязаны. В.П. Зинченко пишет, что в человеке «... в каждый момент времени присутствуют все три цвета времени... Настоящее без примеси прошлого и будущего внушает страх, ужас» [8. С. 49].

Проблема временных аспектов личности интересовала многих исследователей. К.А. Альбуханова-Славская отметила, что «это одна из интереснейших и мало разработанных в психологии тем» [9. С. 126], что стратегия жизни и судьба во многом зависят от временной установки субъекта, «...необратимость жизни требует особого отношения человека к времени жизни, особенно настоящему...» [9. С. 38].

Изучение данной проблемы берет начало с исследований К. Левина, которым предшествовали работы Н. Израэли в 30-х гг. XX в., посвященные различ-

ным аспектам психологии времени [10]. Временную перспективу К. Левин интерпретировал с точки зрения «событийной концепции психологического времени» [11. С. 98]. Он отмечал, что «психологическое прошлое, настоящее и будущее являются частями психологического поля в настоящем, и временная перспектива – это и есть включение будущего и прошлого, реального и идеального плана жизни в план данного момента» [12. С. 69].

Идеи К. Левина о временной (или жизненной) перспективе были поддержаны Л. Франком. Именно после его публикаций о «жизненном пространстве» понятие «временная перспектива» стало широко применяться в науке [13]. Работы Л. Франка положили начало новому направлению в экспериментальной психологии личности – изучению временной перспективы и ее взаимосвязи с различными психологическими факторами [1]. Ж. Нюттен в своих работах поддерживал и развивал идеи К. Левина и Л. Франка. Он рассматривал влияние временной перспективы на поведение человека как функцию репрезентации или когниции [14].

Исходя из идей К. Левина, в психологии сложилась традиция рассматривать временную перспективу как понятие, которое отражает в сознании человека его представления о плане жизни в будущем, а также о его прошлом и настоящем.

Так, Melges придерживается мнения о том, что временная перспектива оценивает то, как человек интерпретирует и переживает прошлое, настоящее и будущее [15. С. 259].

P.G. Zimbardo рассматривает временную перспективу как переменную индивидуальных различий. Он утверждает: «То, как мы воспринимаем прошлое, влияет на наши решения и действия в настоящем; а также и то, как мы воспринимаем будущее, каким мы его видим, как его планируем, также влияет на процесс принятия решений в данный момент» [16. С. 1282]. «Прошлое может быть травматичным и негативным или ностальгическим и позитивным, а также воспроизводиться точно или искажаться в памяти. Будущее может видеться как то, что человек сам в силах выстраивать и создавать (планировать и реализовывать), а может как то, на что нет возможности влиять, как некоторая неизбежность» [16. С. 1283]. В некоторых случаях может развиваться

сверхакцентирование одного из трех времен: при излишней концентрации либо на прошлом, либо на будущем, либо на настоящем образуется когнитивное темпоральное «предубеждение» с доминирующей ориентацией на то или иное время. Когда такое «предубеждение» проявляется хронически, оно становится предрасположенностью (склонностью/диспозиционным стилем), т.е. переменной индивидуальных различий, и может оказывать влияние на стиль поведения человека [16].

В отечественной психологии идеи временной детерминации личности в онтогенезе, временная структура жизненного пути личности как субъекта жизни были предложены С.Л. Рубинштейном еще в середине 30-х гг. XX в. Как отмечает А.К. Болотова, эти идеи в силу общественно-исторических условий не получили должного развития и только в 60-х гг. XX в. к ним обратились Б.Г. Ананьев с соавт. [17].

В отечественных исследованиях интегративному взгляду К. Левина на проблему временной перспективы созвучно понятие «временная транспектива», введенное В.И. Ковалевым [18]. Данный концепт включает рассмотрение полной временной структуры субъекта: взгляд в будущее, настоящее и временная ретроспектива – взгляд в прошлое [19].

Значительное место проблеме временной перспективы отведено в исследованиях Е.И. Головахи и А.А. Кроника, которые разработали причинно-целевую концепцию проблемы взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. В ее основе лежит следующее положение: специфика детерминации человеческой жизни состоит в том, что наряду с причинной обусловленностью последующих событий предшествующими (детерминация прошлым) имеет место детерминация будущим, т.е. целями и предполагаемыми результатами жизнедеятельности. Такого рода причинные целевые связи являются единицами анализа психологического времени личности [20, 21].

Зрелая личность, являющаяся субъектом своей жизни, должна обладать способностью к целостной, пролонгированной регуляции и организации времени жизни. Когда же человек недостаточно осознает связь будущих событий с прошлым и настоящим, возникает феномен «временной некомпетентности», который, по мнению ряда авторов, негативно влияет на уровень адаптированности личности к социуму и на психическое здоровье в целом [22, 24].

Одним из наиболее важных аспектов рассматриваемой нами проблемы является исследование особенностей временной перспективы в онтогенезе детей с ограниченными возможностями, которые в силу определенных физических ограничений испытывают наибольший страх перед будущим, боятся взрослой жизни, теряют надежду на успех и счастье, вследствие чего являются неприспособленными и неадаптированными к жизни в современном обществе [23].

Цель настоящего исследования – изучение в рамках временной перспективы особенностей восприятия собственного возраста детей и подростков с диагнозом ДЦП.

Материалы и методы исследования

Работа проводилась на базе одной из специализированных школ-интернатов г. Томска для детей, страдающих нарушениями опорно-двигательного аппарата (школа-интернат VI вида). В исследовании принимали участие 28 детей и подростков в возрасте от 7 до 16 лет (12 мальчиков и 16 девочек). Все испытуемые имели диагноз детский церебральный паралич.

Для изучения отношения детей к собственному возрасту мы использовали следующие диагностические методики:

– методику Б. Заззо «Золотой возраст» в модификации А.М. Прихожан (1988). Применяемый нами тест является чрезвычайно портативным и простым в обработке, дает интересную информацию по поводу того, какой возраст предпочитает испытуемый (свой собственный, более старший или более младший), что позволяет выявить преимущественную направленность испытуемых на прошлое, настоящее или будущее.

– методику «Прошлое, настоящее и будущее» А.Л. Венгер и Ю.М. Десятиковой (1995), которая направлена на изучение особенностей динамики возрастной перспективы детей школьного и подросткового возраста.

Кроме того, мы посчитали целесообразным использовать методику «Половозрастная идентификация» Н.Л. Белопольской (1995), которая направлена на диагностику и коррекцию особенностей личностного развития ребенка. Данная методика позволяет исследовать не только половую и возрастную идентификацию, но и одновременно развивает понятие возраста, социальной позиции и жизненного пути, а также способствует развитию самосознания ребенка. Исследование проводилось в индивидуальном режиме.

Результаты исследования и их обсуждение

В своем исследовании мы опирались на работы Б. Заззо (1966), И.В. Дубровиной (1989) и А.М. Прихожан (1988), которые показывают, что выбор своего возраста является показателем зрелости личности. Предпочтения старшего возраста свидетельствуют о наличии инфантильных черт личности. Желание вернуться в детство, стать моложе говорит об определенном неблагополучии в развитии личности ребенка, являясь показателем ухода от решения актуальных проблем, желания продлить мораторий детства [14].

При изучении особенностей временной перспективы у детей и подростков с ДЦП мы посчитали важным выявить предпочтения возраста, особенно у старших школьников. Именно к подростковому возрасту, по данным исследований В.М. Чудновской (1981) и И.В. Дубровиной (1987), ребенок перестает смотреть на будущее с позиции настоящего, а начинает рассматривать настоящее с позиции будущего. Возникновение мотивов-целей, связанных с отдаленной ориентацией, свидетельствует о переходе на более высокий уровень развития личности. Отсутствие же этой ориентации, ситуативность поведения в старшем школьном возрасте часто сочетаются с различными отклонениями и задержками в развитии личности подростка [14].

Результаты исследования показали, что в группе мальчиков независимо от возраста (от младшего школьного к подростковому и старшему школьному, или юношескому) респонденты предпочли свой собственный возраст: «Я сейчас маленький, ничего еще не умею, но скоро вырасту»; «Сейчас я школьник, учусь в школе, потом вырасту»; «Я ученик, потом стану большим»; «Я хожу в школу, мне девять лет»; «Я еще не совсем взрослый. Я понимаю, что учусь в школе, а что будет дальше, я не знаю»; «Сейчас я ученик, юноша» и т.п.

В выборке девочек были получены несколько другие результаты. Так, 25% девочек предпочли более старший возраст: «Чувствую себя старше»; «Не знаю, внутреннее ощущение такое, все надоело в этой жизни»; «Не знаю, так кажется». Такие ответы были характерны для девочек подросткового и старшего школьного возраста (12–15 лет). При этом респонденты отмечали, что хотели бы быть в среднем на 2–4 года старше. Ориентируясь на выводы, сформулированные в исследованиях Б. Заззо (1966), мы предположили, что мальчики подросткового возраста с диагнозом ДЦП отличаются большим уровнем личностной зрелости по сравнению с девочками того же возраста и с тем же диагнозом.

12,5% девочек предпочли хронологическому возрасту более младший. Но такой выбор отмечался только в возрастной группе от 7 до 9 лет. Исходя из возрастных особенностей испытуемых, мы не можем говорить об их личностной незрелости.

Опираясь на работы И.В. Дубровиной (1989) и А.М. Прихожан (1988), мы предположили, что у тех девочек, которые предпочли старший возраст, будет отмечаться более короткая будущая временная перспектива, по сравнению с прошлым временем. Чтобы проверить это предположение, мы сопоставили результаты теста «Золотой возраст» с методикой «Прошлое, настоящее, будущее».

Анализ данной методики показал, что примерно в половине случаев у девочек слабо представлены события как прошлого, так и будущего времени (1–

2 события из 5 возможных). Например, в отношении прошлого: «Не знаю, ничего особенного не было»; «Да все нравилось, что было»; «А что было?» – пожимает плечами; в отношении будущего: «Найти хорошую, интересную работу»; «Какую?» – «Не знаю»; «Хочу работать массажистом»; «Хочу жить отдельно от родителей»; «Стану взрослой. Врачом хочу стать или воспитателем, или учителем».

У девочек, отметивших младший возраст по отношению к хронологическому, в тесте «Прошлое, настоящее, будущее» события всех трех времен представлены также крайне бедно: «Был котенок, появилась собака»; «Ела персик»; «Играла с братиком»; «Был настоящий папа». Около 50% респондентов этой группы вообще не смогли выделить каких-либо значимых событий прошлого и будущего.

Таким образом, на основании полученных данных мы пришли к заключению о том, что у девочек-подростков и старших школьниц, страдающих ДЦП, в отличие от мальчиков, в структуре временной перспективы отмечаются те или иные нарушения, а именно: размытость и диффузность представлений о собственном будущем, укороченные прошлая и будущая перспективы, а также бедность представленных событий.

Интересные данные мы получили при анализе результатов методики «Половозрастная идентификация».

В работе с данной методикой в выборах детей присутствует ориентация на конкретику, привязку к какому-либо образу и невозможность воспринимать ситуацию в переносном смысле. Например, ребенок не мог сделать выбор в силу того, что «здесь некрасивые картинки», «никто не нравится»; при выборе привлекательного – непривлекательного образов: «нравится бабушка, потому что я люблю свою бабушку» (М., 9 лет); «не нравятся старики, всегда лезут, пристают» (Д., 15 лет); «не нравится мужчина, потому что он похож на папу» (Д., 8 лет). Такие ответы характерны как для девочек (31,25%), так и для мальчиков (41,6%).

При идентификации с образом настоящего 14,3% респондентов выбрали наиболее младший возраст, причем 8,3% от данной выборки составили мальчики в возрасте от 9 до 10 лет и 18,8% – девочки в возрасте от 9 до 12 лет. С точки зрения Б. Заззо (1966), И.В. Дубровиной (1989) и А.М. Прихожан (1988), выбор наиболее младшего возраста говорит о желании вернуться в детство, что может свидетельствовать об определенном неблагополучии в развитии личности ребенка [14].

Обобщая результаты методик «Золотой возраст» (модификация А.М. Прихожан) и «Половозрастная идентификация», можно говорить о том, что в подростковом возрасте как у мальчиков (8,3%), так и у девочек (18,8%) с диагнозом ДЦП наблюдаются элементы

личностной незрелости, но именно у девочек эта незрелость выражена в большей степени.

Кроме того, методика «Половозрастная идентификация» позволила выявить еще один интересный, с нашей точки зрения, факт. При выборе привлекательного образа 31,3% девочек и 16,6% мальчиков подросткового и старшего школьного возрастов предпочли противоположный пол. Если мальчики давали объяснения типа «Люблю свою бабушку», «Женщина похожа на маму», то у девочек образ молодого мужчины ассоциировался с независимостью, целеустремленностью, возможностью карьерного роста, удачливостью, поэтому при идентификации себя с собственным будущим образом в группе девочек старшего школьного возраста 6% предпочли образ молодого мужчины, связывая с ним такие качества, как целеустремленность и успешность. При идентификации же с образом прошлого 12,5% девочек выбрали образ младенца мужского пола, объясняя это тем, что в детстве были похожи на мальчиков.

Подобную картину мы отметили и при выборе непривлекательного образа: у 43,8% девочек и 16,6% мальчиков подросткового и старшего школьного возрастов в качестве самого непривлекательного образа выступило лицо противоположного пола. У мальчиков в качестве неприятного образа выступили как девочки дошкольного и школьного возраста («Не нравятся девчонки»; «Держит медведя за ухо, делает ему больно»), так и молодые женщины («Она стоит, а я люблю, когда ходят»). У девочек в качестве непривлекательного образа преобладает образ пожилого мужчины («Всегда лезут ко мне те, кто старше, пристаю»; «Он старый, дряхлый, немощный»). Если говорить в целом, то при выборе неприятного – неприемлемого возраста у исследуемых детей и подростков преобладает образ пожилого человека (53,6% всех выборов).

Пытаясь интерпретировать полученный нами факт, мы обратились к работе Н.Л. Белополюской, в которой говорится, что «для детей дошкольного и младшего школьного возраста с диагнозом ДЦП характерна необычная картина: построение смешанных идентификаций (смешение мужского и женского вариантов), так называемые “девиации” половозрастной идентификации» [25. С. 16–17]. Наше же исследование показало, что подобные «половозрастные девиации» могут встречаться и у подростков, и у старших школьников с данным диагнозом.

Исходя из того, что основной целью нашей работы явилось рассмотрение особенностей восприятия собственного возраста детей и подростков с диагнозом ДЦП, для нас было важно выявить наличие или отсутствие каких-либо нарушений по категории «возраст». Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. У девочек-подростков, страдающих ДЦП, в отличие от мальчиков, отмечаются некоторые нарушения в структуре временной перспективы: размытость и диффузность представлений о собственном будущем, укороченная будущая перспектива, а также бедность представленных прошлых и настоящих событий.

2. Как у мальчиков (8,3%), так и у девочек (18,8%), наблюдаются элементы личностной незрелости, но у девочек эта незрелость выражена в большей степени.

3. Наличие «половозрастных девиаций» свидетельствует о нарушении структуры временной перспективы у младших подростков и у старших школьников с диагнозом ДЦП независимо от пола. Вероятно, их можно рассматривать в рамках особенностей временной перспективы данной категории детей.

Мы полагаем, что результаты нашего исследования добавят некоторые штрихи к психологическому портрету детей, страдающих заболеванием детский церебральный паралич.

Литература

1. Бороздина Л.В., Спиридонова И.А. Возрастные изменения возрастной трансспективы субъекта // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 2. С. 40–50.
2. Кафка Д.С. Сознание и тень времени // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 2. С. 156–165.
3. Нуркова В.В. Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Психологический журнал. 1999. № 2. С. 98–104.
4. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 4. С. 5–21.
5. Борхес Х.Л. Новое опровержение времени. Рига: Полярис, 1994. Т. 2. С. 255.
6. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 56–69.
7. Мерло-Понти М. Сам себе созидающий Бергсон // В защиту философии. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1996. С. 181.
8. Зинченко В.П. Время – действующее лицо // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 36–54.
9. Альбуханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
10. Israeli N. The psychology of time // Psychol. Rev. 1932. Vol. 39. P. 486–491.
11. Зейгарник Б.В. Теория личности К. Левина. М.: Изд-во МГУ, 1981. 118 с.
12. Москвин В.А., Попович В.В. Философско-психологические аспекты исследования категории времени // Журнал Credo. 1998. № 6 (12). С. 67–80.
13. Frank L.K. Time perspective // J. of Philosophy. 1939. Vol. 4. P. 293–312.
14. Формирование личности старшеклассника / Под ред. И.В. Дубровиной. М.: Педагогика, 1989. 168 с.
15. Melges Frederick T. Identity and Temporal Perspective // Cognitive Models of Psychological Time. Hillsdale, New Jersey: LEA Publishers, 1990. P. 255–266.

16. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77, № 6. P. 1271–1288.
17. Болотова А.К., Штроо В.А. Временная динамика Я-концепции в подростковом возрасте // *Мир психологии*. 2002. № 2 (30). С. 106–110.
18. Ковалев В.И. Личностное время как предмет психологического исследования // *Психология личности и время: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научно-теоретической конференции*. Черновцы, 1991. Т. 1. С. 4–8.
19. Ковалев В.И. Категория времени в психологии (личностный аспект) // *Категории материалистической диалектики в психологии* / Под ред. Л.И. Анциферовой. М.: Наука, 1988. С. 231.
20. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // *Психология личности в трудах отечественных психологов* / Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб.: Питер, 2002. 480 с.
21. Головаха Е.И., Кроник А.А. Понятие психологического времени // *Категории материалистической диалектики в психологии* / Под ред. Л.И. Анциферовой. М.: Наука, 1988. С. 215.
22. Сидоренко Е.В. *Терапия и тренинг по А. Адлеру*. СПб.: Речь, 2000. 346 с.
23. Барабанова В.В., Зеленова М.Е. Представления студентов о будущем как аспект их личностного и профессионального самоопределения // *Психологическая наука и образование*. 2002. № 2. С. 28–41.
24. Булдакова Н.А., Мальцева Э.А. Развитие способности к общению у детей с ДЦП // <http://ppf.uni.udm.ru/imago-fact/imago-2000/Buldakova.html>
25. Белопольская Н.Л. *Половозрастная идентификация: Методика исследования детского самосознания*. М.: Фолиум, 1995. 24 с.

APPERCEPTION OF THE OWN AGE CHILDREN AND TEENAGER WITH ICP

E.N. Dmitrijeva, T.E. Levitskaja (Tomsk)

Summary. In the context of the study of the time perspective childrens and teenagers with ICP it is considered apperception of their own age regards as significant part of personality time characteristics.

Key words: time perspective, age, apperception of age, ICP (infant cerebral paralysis).